

МЕНТАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ САРАТОВСКИМ КРЕСТЬЯНСТВОМ

События последних лет со всей очевидностью подтвердили необходимость изучения российского крестьянства¹ в качестве особого субъекта политики, руководствующегося специфическими мировоззренческими установками и ценностями. Пресловутый "красный пояс", обозначившийся на выборах 1990-х годов и в значительной степени совпадающий с "аграрным поясом" России, воспринимается многими как реальная угроза "демократического" возвращения российского общества к тоталитарному строю. Возникает вопрос, почему крестьянство, во всем мире являющееся "правым" оплотом традиционализма, консерватизма и стабильности, в России выступает одним из основных социальных источников реанимации "левой" коммунистической идеологии? Действительно ли оно невосприимчиво к реформам и демократическим ценностям и готово и дальше влачить существование у скудной, но гарантированной коллективистской "кормушки"? Ответы на эти вопросы важны не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Одним из важнейших детерминантов, определяющим политическое поведение крестьян на выборах, его политические симпатии и антипатии, является отношение к структурам федеральной и региональной власти и проводимой ими политике. В нашем исследовании мы акцентировали внимание не столько на глубине разрушительных экономических последствий аграрного кризиса, сколько на его воздействии на мировосприятие и мироощущение российского крестьянства, на его представления о происходящих процессах.

Однако исследование этой проблемы наталкивается на значительные трудности, одной из которых является сложность получения действительно объективного эмпирического материала. Для изучения ментального восприятия, реальных представлений и оценок крестьянством роли современных структур власти, эффективности их дей-

ствий невозможно ограничиться использованием данных о результатах голосований и материалов репрезентативных социологических исследований. Данный вывод был сделан автором при анализе обширного банка данных, полученных в ходе комплексных социологических исследований саратовского крестьянства кафедрой политических наук СГУ совместно с ИСЭП АПК на достаточно репрезентативном уровне в 1960-1990-х гг. Автор принимал участие в разработке анкет, проведении экспедиций и обработке материалов в обследованиях 1987-1996 гг. Полученный интереснейший материал, наряду со многими другими источниками, позволил провести анализ ключевых культурных ценностей российского крестьянства. Тем не менее данные материалы не позволяли объяснить, например, причины этатистских настроений крестьянства, его специфическое понимание сущности государственной власти и ее функциональной предназначенности и многие другие особенности политической культуры современной деревни.

Для более глубокого понимания корней ментальных архетипов современного крестьянства на протяжении 1994-1999 гг. автором было осуществлено 18 комплексных "фокусированных" обследований групп по 5-7 человек в Вольском, Ртищевском, Ершовском и Краснокутском районах Саратовской области по специально разработанной оригинальной методике. В качестве ключевых моментов анализа "фокусных" групп были взяты наиболее важные вопросы из наших анкет массовых социологических опросов и уже обработанные на компьютере их результаты.

Основная трудность заключалась в подборе представителей различных половозрастных и социально-профессиональных групп современной деревни, добровольно согласившихся на достаточно продолжительное интервьюирование. Его особенность состояла не только в групповом характере, но и в создании психологического климата доверия, достигаемого за счет максимально неформального характера собеседования, его анонимности, отсутствия жестко задаваемых вопросов и навязываемых вариантов ответов, отказа от их фиксирования в ходе беседы. Главная задача - вызвать собеседников на откровенность, проникнуть в область их глубинных ценностей, надежд и опасений в отношении социально-экономических и политических явлений.

Кроме непринужденной обстановки, раскрепощению позиций интервьюируемых способствовал методически запрограммированный

"отказ" от выявления личностной позиции участников "фокусной" группы и навязывание им роли своего рода "экспертов", объясняющих наиболее типичные ответы респондентов в ходе массового обследования. Тем самым как бы снимался определенный психологический груз ответственности за свои ответы и высказывания, якобы интерпретируемые как мнения многих других неизвестных людей. Реально же, конечно, выявлялась наиболее глубокая и откровенная индивидуальная позиция каждого члена "фокусной" группы. Цель обследования заключалась в выявлении иерархии мировоззренческих ценностей, представлений крестьянства о власти, государстве, центральных и региональных структурах власти, о местном самоуправлении, реформах, о частной собственности на землю, о формах хозяйствования и других важнейших моментах социально-экономического и политического реформирования. Одной из важнейших задач было выяснение причин негативного отношения крестьянства к общественным преобразованиям 1990-х гг.² В рамках данной статьи речь пойдет в основном об отношении к региональным властным структурам всех уровней³.

Одним из аспектов проблемы было выяснение представлений о сущности и смысле складывающегося в современной России феномена разделения властей и о роли в жизни общества каждой "ветви" власти. Ответы подавляющего большинства опрошенных показали, что реализация концепции разделения властей на федеральном уровне определенным образом усвоена. Все в основном понимают задачи президента, правительства, министерств, Государственной Думы, Совета Федерации, прокуратуры, Верховного суда и необходимость их самостоятельного функционирования. Очевидно, что эти представления можно поставить в заслугу пропагандирующим идеи либерализма средствам массовой информации.

Региональная же власть продолжает восприниматься как жесткая вертикаль от губернатора до глав сельских и окружных администраций. Роль областной Думы, районных и городских собраний практически не признается даже сельской интеллигенцией и административным аппаратом⁴. Например, принятый Саратовской областной думой "Закон о Земле" абсолютно всеми воспринимается только как губернаторский закон, принятый по его решению. Объяснить это можно прежде всего "карманным" характером нынешнего состава областной

думы (ее полную подчиненность губернатору отмечали почти все опрошенные). Причем нужно отметить, что каких-либо отрицательных эмоций сам факт реального отсутствия разделения властей в области у большинства опрошенных не вызвал. На наш взгляд, в этих мнениях проявились также отголоски многовековых традиционалистских представления о власти как целостном и неразделенном институте в виде формулы "царь и его слуги", о ее патерналистском предназначении ("царь-батюшка", заботящийся о подданных), о ее неограниченности и недоступности и т. д. В советский период эти представления видоизменились в более общую формулу - "хозяин" (государства, области, района, колхоза, предприятия и т.д.). В современных условиях они трансформировались в формулу "избранный хозяин", "хозяин-демократ".

Самое парадоксальное заключается в том, что сегодня действующий губернатор области и возглавляемая им областная структура власти формально соответствует ментальным представлениям крестьян о том, какой должна быть власть в России: единая, достаточно жесткая, обеспечивающая порядок и стабильность в обществе. Д.Ф. Аяцков, прекрасно зная об этих ценностных ориентирах, умело и целенаправленно использовал их в своей стратегии и тактике избирательной кампании, что не в последнюю очередь обеспечило ему убедительную победу на выборах. В деятельности на посту губернатора он также стремится поддерживать имидж деятельного и заботливого "хозяина", который обо всем знает и помнит, всех и вся держит под своим контролем. Но тем не менее, результаты деятельности такой власти, вроде бы отвечающей идеальным представлениям крестьян, абсолютным большинством из них не воспринимаются положительно.

Во время собеседования мы старались выяснить персонифицированное и институционально-функциональное восприятие этой структуры власти. Личность губернатора (особенно во время опросов 1996 и отчасти 1997 гг.) вызвала позитивные отклики примерно у двух третей интервьюируемых. Многие связывали надежды на изменение ситуации к лучшему с приходом к власти этого лидера. Людям нравилась его "напористость", "деловая хватка", "энергичность", "открытость", его стремление к постоянному общению с жителями губернии, к выяснению насущных проблем и, особенно, его постоянно декларируемое внимание к сельскому хозяйству.

Институциональное восприятие поста губернатора было гораздо менее четким. Правовые основы, определяющие его место, роль, функции, пределы полномочий, характер взаимоотношений с другими структурами власти в области были известны в той или иной степени представителям сельской интеллигенции и лишь отдельным рядовым колхозникам. Какой-либо тенденции к расширению правовых знаний у респондентов об этом политическом институте за пять лет выявить не удалось. Зато четко определилась тенденция ухудшения восприятия личности самого губернатора уже через год после начала его деятельности.

Главными причинами стали не только отсутствие серьезных сдвигов в социально-экономическом развитии саратовской деревни (даже самый удачный, урожайный 1997 год не переломил ситуацию в лучшую сторону⁵), но и изменение оценок деятельности самого губернатора. Несмотря на то, что имидж деятельного "хозяина" активно и достаточно профессионально поддерживался и продолжает поддерживаться большинством областных средств массовой информации (прежде всего телевидением), восприятие его большинством опрошенных стало неоднозначным, с преобладанием негативных акцентов. Дело не только в разочарованиях и не оправдавшихся социально-экономических надеждах крестьян (хотя это и ключевая причина), но и в несоответствии многих начинаний губернатора архетипическим крестьянским представлениям о роли власти.

Например, один из главных лозунгов губернатора - осуществление "диктатуры закона" для оправдания своего авторитарного властвования. Да, крестьянство воспринимает задачу обеспечения порядка как самоценность и согласно с жесткими методами ее решения. Но "гроза" власти в понимании крестьян - это не только трепетная боязнь чиновников за свою судьбу и угодливое проведение любой ценой ("кровь из носа") любых начинаний губернатора, но и средство обеспечения социальной справедливости. В этом смысле крестьяне не принимают не только сущность социально-экономических реформ 1990-х гг. в целом, но и большинство мероприятий, проведенных по инициативе губернатора. Большинство опрошенных в 1998-1999 гг. отмечали, что равноправные отношения с "городом" налажены не были, на место частных перекупщиков сельхозпродукции, диктующих свои условия деревне, были поставлены "торгово-закупочные ассоциации",

продолжающие прежнюю политику, только уже под контролем губернатора. Кредитная политика, ценовая политика на промышленные и сельскохозяйственные товары практически не изменились и продолжают вызывать нарекания крестьян.

Негативное отношение к купле-продаже земли также сильнее всего проявляется в деревне. Проведенное нами репрезентативное исследование показало, что большинство опрошенных жителей сел Саратовской области выступают против купли-продажи земли. Если в 1993 г. число однозначных противников среди респондентов составляло 36,4%, в 1994 г. - 47%, то в 1995 г. - уже 54,6%. Около 40% респондентов опасаются, что процесс приведет к массовому разорению крестьян и концентрации земли у "богачей-эксплуататоров" или к скупке земли иностранцами. Объяснения членов "фокусных" групп показали, что такая позиция определяется не только традиционно слабо развитым частнособственническим инстинктом российского крестьянства, но и их апелляцией к опыту приватизации промышленных предприятий, не приводящей в массе своей ни к обновлению основных фондов, ни к росту производства. Примечательно, что даже двое из пяти опрошенных фермеров высказали опасение, что введение купли-продажи земли может привести к ее утрате в результате "наезда рэкетиров". То есть ощущение незащищенности структурами власти перед угрозой криминала характерно и для этой группы сельского населения.

Поэтому расчет сторонников введения института частной собственности и купли-продажи земли как основы для создания новой социальной и экономической базы для развития сельского хозяйства - еще один миф, который в сложившихся условиях недоверия крестьянства к власти и проводимым ею мероприятиям не принесет ни мира, ни процветания российской деревне.

Второй уровень восприятия региональной власти - это районная администрация. Оценки ее деятельности достаточно резкие со стороны большинства опрошенных рядовых работников⁶ коллективных хозяйств. Если власть губернатора в значительной степени воспринимается как "дистанцированная", т. е. фактически недоступная для большинства, то районная власть - как вполне реальная, приближенная к населению. Именно поэтому претензии к этому уровню власти складывались в основном из критики не только невыполненных предвыборных обещаний (через год после выборов о них помнят го-

раздо меньше не только те, кто их давал, но и те, кому они были адресованы), но и повседневной деятельности. Именно эту власть опрошенные считают ответственной за то, что рейсовые автобусы в села ходят всего два-три дня в неделю, что цены на билеты очень высоки по сравнению с их доходами; за то, что отсутствует возможность сбыть продукцию с личных подворий на местах, так как система потребкооперации почти повсеместно разрушена, а на ее месте работают "частные перекупщики", которые предлагают цены вдвое, втрое ниже, чем на городских рынках; за плохую работу торговли, службы быта и многие другие производственные и бытовые проблемы.

Но особенно негативно опрошенные высказывались в адрес сельской (окружной) администрации, которая замыкает исполнительскую вертикаль региональной власти. Главы сельской администрации, будучи назначенными главой районной администрации, по сути не несут никакой ответственности перед местным населением. То есть крестьяне воспринимают их как простые "механизмы" передачи и реализации властных решений районной и областной администрации. Подавляющее большинство опрошенных отмечали, что на территориях бывших сельсоветов сегодня никакого реального самоуправления не существует. Главы администрации сельских округов не только не проявляют инициативы в решении конкретных местных проблем, но и не реагируют на просьбы и обращения местных жителей, объясняя это тем, что у них нет реальных полномочий и возможностей, выходящих за рамки выполнения административных указаний сверху. Поэтому большая часть опрошенных крестьян в качестве действительно демократического местного самоуправления оценивали сельские Советы периода конца 1980-х - начала 1990-х гг. Именно в это время, по мнению большинства опрошенных, как производственные коллективы, так и Советы значительно расширили свои полномочия и зоны ответственности в вопросах местного значения и сумели повысить активность сельчан, привлекая их к обсуждению и реализации насущных житейских проблем. С ликвидацией системы сельских Советов какой-либо альтернативы для самоорганизации и защиты интересов крестьян на местах за шесть лет так и не было создано.

По мнению Л. С. Аникина, значительные полномочия органов государственной власти в субъектах Российской Федерации в области местного самоуправления, которые "по существу ставят органы и фор-

мирования последнего в подчиненное положение, далеко не случайны, они обусловлены "младенческим" возрастом этих органов и необходимостью определенной опеки над ними"⁷. Вряд ли с этим можно согласиться, ибо характер, направленность, формы и содержание этой опеки не только не создают условий для роста самоорганизации снизу, не стимулируют ее инициирование со стороны граждан на основе их собственной активности, но, укрепляя единую властную вертикаль, уничтожают даже сохранившиеся еще самоуправленческие начала.

Апеллирует при этом власть к самым архаическим ментальным архетипам, аккумулирующим все негативное дореволюционное и советское макросоциальное воздействие на представления российских граждан о власти и ее сущности. Примером тому может служить, например, политика саратовского губернатора, который даже не стремится особенно вуалировать свой лозунг о том, что "хозяин в области должен быть один" и в соответствии с этим строит свои отношения как с другими органами власти, так и со структурами местного самоуправления.

Особо следует выделить отношение крестьян к администрации коллективных хозяйств и возможностям производственной демократии. Большая часть колхозов и совхозов в Саратовской области, как и России в целом, лишь формально реализовала указ президента, сохранив основу внутриколхозных производственных отношений. Однако роль и возможности производственных коллективов и их отдельных членов кардинально изменились. В наибольшем выигрыше оказалась администрация колхозов. Лишенная контроля сверху, она фактически оказалась неограниченным распорядителем имеющихся колхозных ресурсов. Насколько их использование ориентировано на удовлетворение личных интересов руководителей и в какой степени - коллективных, зависит в основном от морально-нравственных качеств и ограничений руководителей. Какой-либо серьезный противовес и контроль со стороны рядовых членов коллективных хозяйств отсутствует. Важнейшая причина заключается в вытравливании навыков общественной самоорганизации крестьян за годы советской власти. Они держатся за колхоз как за средство коллективного самосохранения и выживания в непривычных и заведомо неравноправных для села рыночных условиях. Отсюда и сплочение вокруг колхозной администрации,

хотя корыстолюбие и рвачество последней вызывает у них справедливое осуждение, но отнюдь не организованное сопротивление.

Многие современные исследователи отмечают, что добиться снятия руководителя ТОО, кооператива практически невозможно по различным причинам: "юридическим (уставы и другие документы составляются так, что снять председателя очень трудно); корпоративным (он свой); финансово-хозяйственным (не даст кредита, горючего, удобрений). На селе легче добиться своего и полууголовными методами - запугиванием, натравливанием на несогласных соседей-пьяниц, а то и поджогами и отравками"⁸. Участники наших "фокусных" групп не отметили таких радикальных методов борьбы, но также признавались, что ничего не могут противопоставить явным злоупотреблениям руководителей и специалистов, так как слишком сильно зависят от их решений и воли.

В ходе обследования нами выявлена тенденция усиления роли семейно-родственных связей. Несомненно, она будет укрепляться и дальше и может стать своеобразной основой для укрепления местного самоуправления. Однако проявляется эта тенденция вовсе не однозначно положительно. Для пенсионеров это единственный способ социальной защиты своей жизни. Для трудоспособных межсемейные связи позволяют использовать доступные для каждого из родственников колхозные ресурсы в интересах всего семейного клана. Сюда входит использование колхозной техники в личных подсобных хозяйствах, являющихся главной основой их материального существования, и взаимобмен полученными (а нередко и украденными) в колхозе ресурсами (корма, горючее, топливо, стройматериалы и т. п.). Тем самым возрождается характерная для общины ментальность: консолидация "мы" для совместного выживания и противостоящие "они", которые несут угрозу и различного рода опасности. Взаимовыручка, взаимозабота и тому подобные качества распространяются прежде всего на семейно-родственные отношения.

На производственные отношения в коллективных хозяйствах данная ментальность экстраполируется в гораздо меньшей степени. Колхоз также рассматривается как определенная гарантия коллективного выживания, но в отношении к нему почти не характерны такие принципы, как честность, ответственность, порядочность, добросовестность. То есть амбивалентность имеет место и здесь: с одной сто-

роны, колхоз вписывается в ментальное "мы", которому противостоят "они" (в лице правительства, рынка, стихии и др.), но, с другой стороны, сам колхоз в определенной степени рассматривается с точки зрения "они", ресурсами которого пользуются для самосохранения многие конкурирующие "мы" семейно-родственного уровня. Естественно, что такая ментальность не нацеливает на полную самоотдачу в производственной колхозной сфере и не способствует созданию условий для демократического местного самоуправления.

В целом исследование показало, что налицо тенденция нарастания недоверия граждан ко всем институтам власти, в том числе и регионального уровня. Конечно, данное недоверие не обязательно означает отрицание самих принципов их организации и функционирования. По свидетельству членов "фокусных" групп многие из них имеют самое общее представление об основных политических институтах, их ключевых задачах, полномочиях и направлениях деятельности. Скорее, в этой тенденции нашло отражение разочарование граждан в конкретной деятельности властных структур и возглавляющих их политических лидеров.

Таким образом, особенности крестьянского менталитета проявляются в современных условиях в амбивалентном отношении к власти. С одной стороны, она признается как важный и необходимый элемент общественного устройства: носитель социального порядка, гарант социальной защиты, контролирующий орган, арбитр социальных отношений и т. д. То есть крестьяне выступают в этом случае как самые последовательные этакисты и в своем политическом выборе ориентируются на те партии и движения, которые открыто и четко заявляют о своей приверженности к такому типу использования власти.

С другой, действия большинства конкретных политических институтов современной России вызывают недоверие крестьян и соответственно негативное к ним отношение. Однако надежды на изменение своего положения в лучшую сторону они связывают не столько со сменой власти на региональном уровне, сколько со сменой общегосударственного курса и готовы поддержать те политические силы, которые выступают за изменения политического устройства страны. Тем самым реформаторы не создали себе сколько-нибудь массовую социальную опору в деревне, оттолкнули своими действиями "маятник"

крестьянского сознания, дискредитировали саму идею демократических институтов и принципов их функционирования.

Специфический крестьянский менталитет не воспринимает обоснования политического курса, построенные только на критике предшествующей системы и не дополненные наглядными и убедительными, реально ощутимыми доказательствами преимуществ новых общественных отношений. Аргументы о том, что все трудности переходного периода определены противоречиями советского наследия, что это неизбежная расплата за наше социалистическое прошлое, вызывают лишь идеализацию этого прошлого в сознании крестьян. Поэтому вместо рационального осмысления накопленных проблем деревни и поиска пути их эффективного разрешения крестьяне продолжают делать выбор в пользу социалистического прошлого.

А изменить эти условия можно только завоеванием доверия крестьян, поддержкой всех реально существующих сегодня производственных структур на земле. Необходимо избавить их от ощущения "пасынков", судьба которых не просто безразлична государству, но которое, как считают крестьяне, ждет не дождется "смерти" своего нелюбимого, доставшегося от старой системы "дитяти". Главное, чтобы и колхозники ощутили уверенность в свободе своего выбора, увидели отдачу от вложений своего труда, на деле почувствовали преимущества рыночных отношений и демократической самоорганизации. Тогда может измениться и отношение к ценностям либерализма, и к купле-продаже земли, и к фермерским формам хозяйствования, которые пока в большинстве своем влачат такое же жалкое существование, как и колхозы.

Примечания

¹ В рамках данной статьи к категории крестьянства мы относим фактически все сельское население без его традиционной градации на социальные группы производственной и непроизводственной интеллигенции, квалифицированных и неквалифицированных работников массовых профессий в коллективных хозяйствах, фермеров. Последние хотя и выделяются своими политическими симпатиями и ценностными ориентациями, но представляют собой достаточно ограниченный слой не более 4-5% сельского населения. Главное, что позволило объединить все эти разнородные

слои в единую категорию, связано с системообразующей ролью особенностей сельского образа жизни в России, одинаково влияющей и на сельского учителя, и на рядового колхозника, и на фермера. Вместе с тем, по мере возможностей, автор стремился систематизировать особенности ментальных представлений различных социальных групп и проанализировать их мотивацию.

В совокупности за эти годы собеседованием было охвачено более 100 человек, среди которых 15% относились к категории сельской производственной интеллигенции, 40% - к работникам массовых профессий коллективных хозяйств, 10% - к административно-управленческому аппарату и специалистам хозяйств, 30% - к пенсионерам и 5% - к фермерам. Каких-либо различий в настроениях членов ТОО, АО, кооперативов выявлено не было. Все опрошенные представители различных форм коллективных хозяйств продолжали идентифицировать себя в качестве колхозников. По возрасту 30% обследованных относились к категории 18-35 лет, 40% - к категории 36-55 лет, 30% к категории 56 лет и старше. 45% опрошенных - мужчины, 55% - женщины.

² По данным наших опросов сельчан Саратовской области, на вопрос «Поддерживаете ли Вы курс реформ, проводимых Президентом и правительством?» однозначно «нет» в 1994 г. ответили 43,4% респондентов, в 1995 г. - уже 68,6%. Частично поддерживающих реформ было соответственно 26,9% и 9,5%. Одозначное «да» высказали в 1994 г. всего 3% и в 1995 г. - 4,6%, затруднились с ответом 24,6% и 17,2% соответственно. Даже среди самой молодой возрастной группы (18-25 лет) число противников идущих преобразований (57,8%) многократно превышает число их сторонников (2,2%).

³ К недостаткам данной формы получения эмпирических данных относится их "растянутость" во времени на несколько лет, объясняемая отсутствием хоть какого-либо финансирования проведения экспедиций. Очевидно, что на мнения интервьюируемых влияли текущие политические события и изменения социально-экономической и политической ситуации в целом, происшедшие в стране и области за время от одной серии обследований до другой. Поэтому, с одной стороны, мы стремились учитывать наиболее устойчивые и четко определенные представления крестьян о власти, а с другой - выделять тенденции в изменении этих представлений.

⁴ Лишь некоторые фермеры оценили роль судебных органов, в которые они обращались для защиты своих интересов. Но и они однозначно признали главенствующую роль губернаторской вертикали власти.

⁵ По данным социологических обследований, проведенных кафедрой политических наук СГУ совместно с ИСЭП АПК в 1988-89 гг., около 80% опрошенных жителей сел Саратовской области были удовлетворены своими доходами. Обследование 1993 г. показало, что доля таких респондентов упала до 8%, а в 1995 г. - до 5%. Вряд ли эти данные нуждаются в комментариях. Очевидно, что резкое падение жизненного уровня явилось главным фактором, определившим настроения и чувства крестьян по отношению к социально-политическим и экономическим процессам 1990-х гг. Фокусированные обследования 1996-1999 гг. подтвердили, что надежды крестьян на улучшение уровня своей жизни с приходом нового губернатора не оправдались. Практически по многим показателям респонденты отмечали изменения в худшую сторону.

⁶ Представители колхозной администрации старались быть более лояльными во время обсуждения данной темы, или же отмалчивались (скорее всего, опасаясь возможных последствий в случае разглашения их мнения).

⁷ *Аникин Л.С.* Становление местного самоуправления в Российской Федерации. Опыт социологического исследования. Саратов, 1997. С. 125.

⁸ *Трифонов Е., Абаган В.* Россия между красным и синим // *Посев.* 1997. № 1. С. 13.